

Тун-саоцзы была явно не в духе:

— Он что, барин какой-то? Еще и прислуживать ему нужно? Не хочет — пусть не ест! Никакого толка от них, ни на что не годны, одни проблемы, только и знают, что ждать, пока их будут обслуживать...

Сказав это, она увидела, что Суй Чжунь пристально смотрит на миску с похлебкой из злаков, и, окончательно выйдя из себя, перевела огонь на него:

— Чего не ешь? Чего вылупился? Эта похлебка недостойна твоих царских уст?

Суй Чжунь понял, что эмоциональное состояние Тун-саоцзы сейчас крайне нестабильно, и лучше бы ее не злить. Но он был обязан сказать правду:

— Я не могу есть бобы, у меня от них живот болит.

Тун-саоцзы презрительно фыркнула:

— Ишь ты, попрошайка, поел пару дней рисовой каши и возомнил себя вельможей? Бобы ему не по вкусу, это не хочу, то не буду. Скажи мне, что ты вообще ешь? Чего тебе подать? Может, мне драконьим мясом тебя накормить?

Суй Чжунь терпеливо пояснил:

— Я правда не могу. У меня аллергия, от них начинается расстройство желудка.

— Ой-ой, — усмехнулась Тун-саоцзы.

Аллергия! Какое диковинное слово. Никогда не слышала, чтобы у нищих была аллергия. Кого он пытается обмануть? Раз от них живот болит — значит, просто лентяй!

Потемнев лицом, она швырнула миску и ушла.

Вернувшись, Тун Сю увидел, что Суй Чжунь так и не притронулся к похлебке, и очень расстроился. Покусав губы, он немного подумал, взял длинный крюк с сачком и вышел из дома.

Суй Чжунь, оставшись без завтрака и чувствуя, как в животе урчит от голода, решил не бездельничать. Он нашел у стены самый удобный веник и принялся лениво подметать двор.

Днем цыплята свободно гуляли по двору, и после них оставалось много помета, так что запах

стоял специфический. Впрочем, по сравнению со свиарником это были еще цветочки.

Свинью, которую звали Свинка, снова заперли, но она, неведомо почему, проявила к новому лицу — Суй Чжуню — огромный интерес. Она встала на задние лапы, передними оперлась на ограду загона и начала игриво вилять хвостом в его сторону.

Будто пыталась кокетничать...

Суй Чжуня передернуло, и он поспешил на другой конец двора. Но двор был невелик, и куда бы он ни пошел, Свинка не сводила с него глаз.

— Не может быть. Неужели я попал в сценарий всеобщего любимца? Ладно, что пол сменился, но чтобы вид животного тоже... это уже перебор! — бормотал он себе под нос, продолжая мести.

Проходя мимо окна Тун-саоцзы, он заметил в щели между ставнями чьи-то темные глаза. Не успел он приглядеться, как окно с грохотом захлопнулось.

— Ну и дела, у Тун-саоцзы что, два лица? — пробормотал Суй Чжунь.

Но стоило ему обернуться, как он увидел голову самой Тун-саоцзы, торчащую из-за забора. Жили они небогато: дом был собран из старых материалов, которые семья Тун потихоньку латала. Поэтому и забор был самым примитивным, из глинобитных кирпичей, едва достигающий до плеч. Даже такая невысокая женщина, как Тун-саоцзы, могла легко заглянуть во двор, встав на цыпочки.

И стоило ей заглянуть, как она тут же подпрыгнула на месте:

— Ах ты негодник! Как ты смеешь использовать этот веник? Я его только купила! За целую монету! Я берегла его, только по вечерам выносила, чтобы постель почистить, а ты им куриный помет гребешь!

Суй Чжунь: ...

В мгновение ока Тун-саоцзы влетела во двор, вырвала веник из его рук, и на ее лице читалось полное отчаяние.

— Разоритель проклятый!

Метнув на него испепеляющий взгляд, она прошипела:

— Не позволю тебе больше так изводить мое хозяйство! Сегодня же пойдешь в поле работать, в моем доме бездельники не живут!

Тун-саоцзы привела Суй Чжуня к краю поля. Весенние просторы тянулись до самого горизонта.

— Ну, паши! — скомандовала она.

Суй Чжунь опешил:

— А где бык?

Тун-саоцзы нахмурилась:

— Какой еще бык? Ты и есть бык! Пахать собрался и быка просишь? Ты думаешь, мы семья мясника Чжана? У кого из простых людей есть возможность содержать быка! Живо бери соху, ты впереди, я сзади. Если не поторопимся, снова обед пропустим.

Сказав это, она ловко закатала штанины и вышла в поле.

Хотя Суй Чжунь и был шокирован тем, что его в одночасье превратили в тягловую силу, он не стал спорить и, взяв соху, вышел следом. Тун-саоцзы, уперев руки в бока, указала, как прикрепить соху к плугу и привязать тяговые веревки. Другой конец веревок был привязан к девятифутовой палке — так выглядело традиционное приспособление для парной пахоты.

Суй Чжунь положил палку на сгиб локтя и пошел впереди. Тун-саоцзы взвалила другой конец себе на плечо и пошла следом, придерживая плуг. Так, пошатываясь, они начали пахать.

Суй Чжунь был новичком, к тому же слишком высоким и сильным, поэтому поначалу они не могли сработаться, и он выслушал немало брани. Но спустя несколько проходов Тун-саоцзы умолкла.

Суй Чжунь тянул плуг впереди, но при этом поглядывал на Тун-саоцзы. Ей приходилось куда тяжелее: будучи женщиной хрупкого телосложения, она должна была не только удерживать тяжелую палку, но и следить за плугом. Это требовало огромных усилий.

Несмотря на прохладную погоду, ее лоб покрылся мелким потом, а от напряжения шея покраснела. Как отличник технического вуза, Суй Чжунь быстро усвоил суть движений и вскоре предложил поменяться местами.

— Дайте мне попробовать, — улыбнулся он.

Тун-саоцзы терпеть не могла такие улыбки — она считала, что мужчины, которые вечно скалятся, не заслуживают доверия.

— Ты еще зеленый, пробовать он собрался! Думаешь, это игра?

Она вытерла пот со лба:

— У меня нет времени с тобой развлекаться!

Суй Чжунь хмыкнул:

— Не скажите! У хорошего учителя — хороший ученик. К тому же, вы будете стоять рядом и направлять меня, разве я могу сплеховать?

Эта лесть пришлась Тун-саоцзы по душе.

— Сам ты старый! — притворно рассердилась она, бросая плуг. — Пробуй, раз хочешь. Плуг этот тяжеленный, я и сама не горю желанием идти сзади!

Суй Чжунь взял плуг и прошел несколько метров вполне уверенно. Тун-саоцзы промолчала, но в душе обрадовалась.

Ну вот же! Не зря говорят, что лучше взять в дом зятя, чем невестку. Пусть Сю-эр слаб и не может работать, зато зять — может! Посмотрите на него: плечи широкие, спина узкая, высокий, крепкий. Даже не позавтракал, а пашет всю. Силы хоть отбавляй. Пусть умом не блещет и чуткости маловато, зато человек старательный. Понял, что она невысокая, и сам опустил палку ниже, на сгиб локтя, а теперь вот взялся плуг вести. Разве сравнить его с теми ленивыми невестками в деревне? Повезло же им!

Однако радовалась она недолго — Суй Чжунь вдруг вскрикнул. Тун-саоцзы вздрогнула:

— Что случилось?

Суй Чжунь поднял ногу, балансируя на одной, и скривился от боли:

— На камень наступил, кажется, кость сломал.

Тун-саоцзы: ...

Когда они вернулись домой, лицо Тун-саоцзы было мрачнее тучи. Тун Сю вышел из кухни навстречу и почувствовал неладное. Обычно перед тем, как мать устраивала скандал, у нее

было именно такое выражение лица, словно перед бурей.

— Мама, вернулись? Садитесь, воды попейте, — он улыбнулся своей мягкой улыбкой.

Как и ожидалось, Тун-саоцзы, сдерживавшая гнев всю дорогу, не знала, на ком сорваться. И он попался под горячую руку.

— Пить, пить, пить! Что ты ко мне пристал? Лучше бы я яду выпила, чем терпеть, как меня доводят до гроба!

С этими словами она с грохотом захлопнула дверь своей комнаты. Тун Сю не успел даже понять, из-за чего мать так разозлилась, как заметил вдалеке фигуру, которая, хромая, медленно приближалась к дому.

<http://bllate.org/book/19375/1893803>